

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ГЕОГРАФИИ

УДК 332.1

DOI: 10.15372/GIPR20210315

С.П. ЗЕМЦОВ*., , Ю.В. ЦАРЕВА* , П.Н. ПАВЛОВ***

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119571, Москва, пр. Вернадского, 82, стр. 1, Россия, zemtsov@ranepa.ru, tsareva-yv@ranepa.ru, pavlov@ranepa.ru

**Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Москва, Ленинские горы, 1, Россия, zemtsov@ranepa.ru

**РЫНОЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНОВ
И РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ**

Предложены методики расчета объема потенциально доступных рынков и оценка их влияния на развитие предпринимательства. Выявлено, что рыночный потенциал выше в ряде приморских и приграничных регионов России, а также в европейской части страны вблизи крупных агломераций. За последние двадцать лет он многократно вырос, особенно на юге Дальнего Востока. Установлено, что малый бизнес более развит в регионах с крупными потребительскими рынками (Москва, Санкт-Петербург, Самарская область), благоприятной институциональной средой (Новосибирская, Ярославская, Воронежская области) и доступом к внешним рынкам (Хабаровский край, Приморский край, Калининградская область). Сделан вывод, что введение карантинных мероприятий может нанести наиболее существенный урон малым предприятиям в крупных городах и прибрежных регионах. Результаты эконометрических расчетов подтвердили исходную гипотезу: сокращение объема доступных рынков на 1 трлн руб. ведет к снижению числа микро- и малых фирм примерно на 0,5 (в расчете на 1000 чел. рабочей силы), с учетом уровня экономического развития и доступности капитала. Предполагаемое сокращение на 3 % мировых рынков, снижение доступности банковского финансирования и доходов населения может привести к падению числа малых и микропредприятий в России в 2020 г. на 9–10 % (200–260 тыс.). Тогда можно ожидать падения ВВП на 0,5–1,7 %. Результаты могут служить дополнительным обоснованием для субсидирования спроса, поддержки МСП, цифровизации госуслуг, развития инфраструктуры для международной и межрегиональной торговли.

Ключевые слова: доступ к рынкам, экономико-географическое положение, малое и среднее предпринимательство, гравитационные модели, институты, эконометрическая оценка.

S.P. ZEMTSOV*., , Yu.V. TSAREVA* , P.N. PAVLOV***

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 119571, Moscow, pr. Vernadskogo, 82, str. 1, Russia, zemtsov@ranepa.ru, tsareva-yv@ranepa.ru, pavlov@ranepa.ru

**Lomonosov Moscow State University, 119991, Moscow, Leninskie gory, 1, Russia, zemtsov@ranepa.ru

**MARKET POTENTIAL OF REGIONS
AND DEVELOPMENT OF ENTREPRENEURSHIP IN RUSSIA**

Methods for calculating the volume of potentially available markets and assessing their impact on the development of entrepreneurship are proposed. It is found that the market potential is higher in a number of coastal and border regions of Russia as well as in the European part of the country near large agglomerations. Over the past twenty years, it has grown many times, especially in the south of the Far East. It is established that small businesses are more developed in regions with large consumer markets (Moscow, St. Petersburg, and Samara oblast), a favorable institutional environment (Novosibirsk, Yaroslavl and Voronezh oblasts) and access to foreign markets (Khabarovsk and Primorski krais, and Kaliningrad oblast). It is concluded that the introduction of quarantine measures can cause the most significant damage to small businesses in large cities and coastal

regions. The results of econometric calculations confirmed the initial hypothesis: a reduction in the volume of available markets by 1 trillion rubles leads to a decrease of the number of micro- and small firms by ≈ 0.5 (per 1000 people of the labor force), taking into account the level of economic development and the availability of capital. The estimated 3 % reduction in global markets, a reduced availability of bank financing and household income may lead to a 9–10 % (200–260 thousand) drop in the number of micro and small enterprises in Russia in 2020. It may then be expected that GDP will decrease by 0.5–1.7 %. The results can serve as an additional justification for subsidizing demand, supporting SMEs, digitalizing public services, and developing infrastructure for international and inter-regional trade.

Keywords: market access, economic and geographical location, small and medium-sized enterprises, gravity models, institutions, econometric estimation.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие предпринимательства в России заявлено как один из приоритетов государственной политики. Выполняются соответствующие федеральная Стратегия и национальный проект, согласно которым предполагается увеличить долю малого и среднего предпринимательства (МСП) в экономике страны с 22 % в 2017 г. до 32 % к 2024 г. Но значение целевого индикатора относительно стабильно десятилетиями, а в 2018 г. он сократился до 20 % вслед за падением числа малых фирм. В результате кризиса и введения режима самоизоляции в 2020 г. уровень развития малого бизнеса может сжаться еще сильнее из-за резкого падения спроса. Банкротства фирм приведут к снижению ВВП и качества жизни населения, наиболее предприимчивая часть общества может разочароваться в ведении бизнеса, что приведет к негативным долгосрочным последствиям.

В исследованиях предпринимательства, а также при проведении соответствующей политики, на наш взгляд, недооцениваются региональные факторы развития МСП. Большинство политиков и исследователей разделяется мнение о значимости институциональных факторов: доступ к капиталу, культурные нормы, уровень коррупции и пр. На практике же некоторые государственные инициативы (например, установка онлайн-касс субъектами МСП или выдача антикризисных субсидий через онлайн-приложение) принимаются без учета стоимости их реализации и доступности в разных регионах.

Один из значимых географических факторов — это доступность рынков товаров и услуг для МСП [1–3]. Предшествующие исследования показали, что это значимый фактор экономического развития [4–6], а различия в доступе к рынкам могут объяснить до 70 % вариации ВВП на душу населения [6]. Доступность рынков и ее изменение, на наш взгляд, может влиять на число малых фирм, которые стремятся достичь наиболее выгодного расположения в пространстве. А при сокращении доступной емкости рынков, что наблюдается в кризисных условиях, малые фирмы вынуждены снижать оборот, подвергаясь риску банкротства, предприниматели не видят рыночных ниш для новых компаний [7]. В России с 2014 г. падают доходы населения, что ведет к сокращению локальных рынков для малых фирм большинства регионов. В кризисных условиях доходы и размеры рынка сокращаются во всем мире. Считается, что влияние рынков других стран на малый бизнес в России минимально, за исключением ряда регионов, а оценки этого влияния в статьях носят преимущественно описательный характер.

Цель данной работы заключалась в расчете объема и изменения потенциально доступных российских и зарубежных рынков в 1998–2018 гг. и формализованной оценке их влияния на развитие предпринимательства в регионах России. Основная гипотеза: чем ближе регион расположен к малым и сокращающимся рынкам, тем меньше спрос на товары и услуги его фирм при прочих равных условиях, а соответственно — тем быстрее сокращается число малых компаний в этом регионе в период кризиса с учетом и других факторов. Полученные результаты позволят оценить возможности развития сектора МСП при разных сценариях снижения спроса в 2020 г.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для оценки близости и значимости рынков могут применяться гравитационные модели [8–11], описывающие зависимость взаимодействия двух объектов (i, j) от их размера (MV) и степени близости (R). Классическая модель рыночного потенциала (MP_i) региона i [12] с учетом размера рынка самого региона i (MV_i) имеет следующий вид (подробнее [1]):

$$MP_i = MV_i + \sum_j \frac{MV_j}{\alpha R_{ij}^n}, \quad (1)$$

где MP_i — объем рынков регионов j ; R — расстояние между регионами i и j ; α, n — коэффициенты для оценки значимости расстояния для взаимодействия между экономическими агентами регионов.

С ускорением развития коммуникационных технологий стремительно снижаются издержки на взаимодействие между экономическими агентами. Возникает ощущение, что расстояние (R) перестанет быть значимым, а коэффициент $n \rightarrow 0$. Но увеличивается концентрация хозяйств [8], сохраняется сильная дифференциация регионов и стран [9], торговля между соседними странами развивается более интенсивно, поэтому значение расстояния (n) для внешнеэкономической деятельности растет [8, 13]. Для наших целей к формуле (1) добавлена оценка ВВП стран мира (взвешенное на расстояния до них) [1]:

$$MP_i = GRP_i + \sum_j \frac{GRP_j}{\alpha \times d_{ij}} + \sum_q \left(\frac{GDP_q}{\min_p (\alpha \times d_{i,p} + \beta \times d_{p,q})} \right) + \sum_n \left(\frac{GDP_n}{\min_e (\alpha \times d_{i,e} + \beta \times d_{e,n})} \right), \quad (2)$$

где i — искомый регион России; j — другие регионы; p — портовые регионы; e — приграничные регионы; q — страны, взаимодействующие с Россией морским путем; n — страны, граничащие с Россией по суше; GRP — валовый региональный продукт, млн руб. (в постоянных ценах 1998 г. с учетом межрегионального индекса цен) [14]; GDP — валовый внутренний продукт, млн руб. (рассчитан по ППС в постоянных ценах¹ по курсу Центробанка); d — расстояние между регионами и странами; $\alpha = 0,01$ — коэффициент пропорциональности для оценки влияния расстояния на снижение доступности рынков других регионов: если расстояние до региона составляет 1000 км, то это в 10 раз уменьшает объем потенциальной торговли товарами и услугами с этим рынком; $\beta = 0,1$ — коэффициент пропорциональности для рынков других стран. Коэффициент β выше из-за более высоких институциональных и иных барьеров с другими странами. Но в целом выбор значений коэффициентов пропорциональности α и β в определенной степени условен. Важно, чтобы полученные оценки не противоречили здравому смыслу. Так, близость региона к крупным и быстрорастущим экономикам (например, к Китаю) должна увеличивать его рыночный потенциал. Отметим, что в качестве d использовано расстояние по железной дороге; для регионов, где отсутствуют железные дороги, использовались расстояния по автомобильным, речным (Ненецкий АО) или морским путям (Сахалинская область, Камчатский край, Чукотский АО). Третье слагаемое учитывает потенциальные торговые потоки по маршруту, включающему плечо № 1 «регион $i \rightarrow$ российский портовый регион p », и плечо № 2 «российский портовый регион $p \rightarrow$ страна q ». Выбирается кратчайший маршрут из всех возможных, включающих плечи № 1 и № 2. Четвертое слагаемое формулы (2) учитывает потоки с использованием сухопутного транспорта по маршруту, включающему плечо № 1 «регион $i \rightarrow$ приграничный регион e » и плечо № 2 «приграничный регион $e \rightarrow$ страна назначения n ».

Конечная оценка дается для столицы региона и не учитывает внутрирегиональной дифференциации. Впрочем, за некоторыми исключениями, основной спрос сконцентрирован в столицах. Методика разработана для агрегированного уровня, но на практике для МСП значение могут иметь структура рынков и специализация фирм. При этом не учитывалось многостороннее сопротивление (от англ. *multilateral resistance*), т. е. близость компаний-конкурентов в соседних регионах и странах, на практике снижающих свободную долю рассчитываемого рынка [13]. Так, для компаний легкой промышленности из России китайский рынок во многом остается лишь потенциальным, а рынок других регионов более значим, поскольку в логике модели торговли Диксита–Стиглица–Кругмана [15] возможна ситуация взаимовыгодного обмена стран близкими товарами. Например, максимальные объемы торговли автомобилями долгое время наблюдались между развитыми странами со схожей специализацией благодаря эффекту разнообразия. Для фирм, импортирующих аналогичные товары в Россию, близкое расположение к Китаю, наоборот, может быть выгодно. Для оценки подобных взаимосвязей в целом на уровне региона предложена эконометрическая модель [2–4, 16–21]:

$$\text{Entr}_{i,t} = \text{const} + \beta_1 \text{Market}_{i,t} + \beta_2 \text{EGP}_{i,t}^j + \beta_3 \text{Inst}_{i,t} + \beta_4 \text{Control}_{i,t} + \varepsilon_{i,t}, \quad (3)$$

где Entr — плотность предпринимательской деятельности: отношение числа микро- и малых предприятий к 1000 чел. рабочей силы, i — регион России (83 кроме Республики Крым и Севастополя), t — год (2004–2014), const — константа, β — искомые эмпирические коэффициенты, оценивающие степень влияния фактора; Market — объем доступных рынков (формула (2)); EGP^j — оценки выгод ЭГП [1], Inst — институциональные условия [2, 3, 16, 17, 20, 21]; Control — контрольные переменные:

¹ По данным МВФ. Заметим, что курс валюты зарубежных стран подвержен флуктуациям. В результате девальвации национальной валюты объем ВВП той или иной страны в иностранной для данной страны валюте (в том числе в рублях) может сокращаться, тем самым снижая рыночный потенциал российских регионов.

ВРП на душу населения, тыс. руб. [2, 3]; уровень безработицы по методологии МОТ, % [2, 17–19]; плотность населения, чел/км² [17, 18, 20]; ε — остатки регрессии.

Необходимо добавить, что понятие «субъекты МСП» помимо малых и микропредприятий включает также индивидуальных предпринимателей и средние предприятия. Но данные по последним двум категориям за весь период отсутствуют. Для нас было важнее, как реагируют на изменение рынков малые фирмы — юридические лица, имеющие возможность выхода на рынки других регионов и стран. Индивидуальные же предприниматели сильно привязаны к местным (локальным и региональным) рынкам. Средние фирмы фактически не влияют на общее распределение, поскольку их доля в общем числе субъектов МСП в России меньше 1 %.

Расчета парного коэффициента корреляции для определения характера влияния переменной Market на переменную E_{it} недостаточно, поскольку такой подход игнорирует другие существенные факторы, без учета которых не удастся получить корректные результаты. Для сравнения также приведены оценки выгод ЭГП регионов России: отдельно оценивалось влияние на малый бизнес близости к рынкам других регионов (межрегиональный ЭГП) и других стран (международный ЭГП)². Среди институциональных факторов для малого бизнеса в России наиболее значимо качество финансовых институтов [2], поэтому в модели используется один из распространенных индикаторов — индекс обеспеченности банковскими услугами [2, 3]. Доступность финансирования особенно важна в условиях кризиса и режима самоизоляции, когда спрос на товары в отдельных отраслях приближается к нулю, а необходимость выплачивать заработную плату и иные платежи сохранилась. ВРП на душу населения используется для оценки уровня экономического развития, так как более развитые регионы обычно обладают высокой плотностью бизнеса [17, 21]. В этих регионах преимущественно выше средние доходы населения и разнообразнее потребности, удовлетворяемые малым бизнесом. Рост безработицы [2, 17, 19] ведет к сокращению спроса на продукцию и услуги МСП. Плотность населения служит для оценки агломерационных эффектов [15, 17], повышающих плотность малого бизнеса благодаря концентрации и разнообразию рынков капитала, труда, товаров и услуг.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В соответствии с методикой рыночный потенциал увеличивается, если растет экономика региона или соседних регионов, соседних стран, введены новые транспортные магистрали и порты, позволяющее существенно приблизить внешние рынки (например, строительство моста Благовещенск–Хэйхэ через р. Амур соединило малый бизнес Амурской области с китайским рынком). В 2000-е гг. высокими темпами росла отечественная экономика (исключением стал кризисный 2009 год) (рис. 1). Заметим, что всего пять стран в мире за последние 20 лет «выросли» более чем на 400 трлн руб.: Китай, Япония, Индия, США и Россия. За этот период для всех регионов России характерен многократный рост рыночного потенциала (рис. 2), который во многом обусловлен ростом мировой экономики и крупнейших из соседних стран, а максимальный прирост (более чем в 15 раз) наблюдался в ряде дальневосточных регионов, в том числе в Приморском и Хабаровском краях. Существенный рост зафиксирован в регионах южной части России вблизи развивающейся портовой инфраструктуры Краснодарского края, что связано с ростом ВРП этих субъектов РФ, а также влиянием быстрорастущих ближневосточных стран (см. рис. 1), в которые экспортируется сельскохозяйственная продукция из России. В целом потенциальная доступность рынков выше в европейской части страны вблизи Москвы и крупных агломераций. Кризисные условия во всей мировой экономике приведут к существенному сокращению объемов доступных рынков, а отдельные ограничения на пересечения государственной границы с Китаем и странами Европейского Союза усилят эти эффекты для прибрежных и приграничных регионов.

Плотность предпринимательской деятельности также неравномерно распределена (рис. 3), концентрируясь в регионах с крупными потребительскими рынками, в частности в крупнейших агломерациях (Московская, Санкт-Петербургская, Свердловская, Самарская, Новосибирская) и в сырьевых регионах (Сахалинская, Томская области, Красноярский край) с высокой покупательной способностью населения. Подход не учитывает высокой внутрирегиональной дифференциации малого бизнеса, сосредоточенного преимущественно в центрах регионов, портовых центрах и на границе. Предложенные нами картосхемы носят иллюстративный характер. Предпринимательство развито слабее на террито-

² Объем ВРП других регионов, поделенный на расстояние до них (в степени 1,5), и объем рынков других стран, поделенный на расстояние до них (в степени 2) [1].

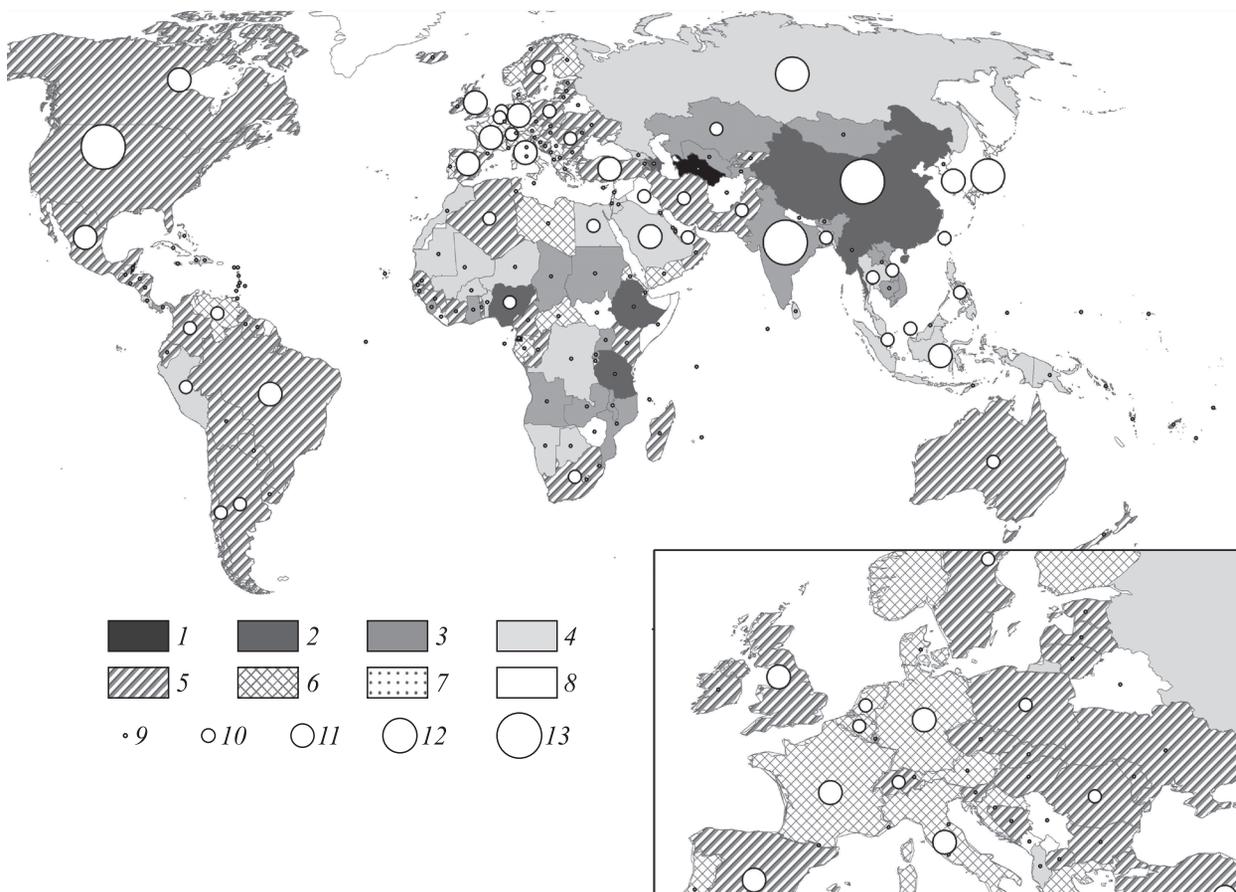

Рис. 1. Рост валового внутреннего продукта (ВВП) стран мира.

ВВП в 2015 г. к ВВП в 1998 г., %: 1 — >20, 2 — от 15 до 20, 3 — от 10 до 15, 4 — от 7,5 до 10, 5 — от 5 до 7,5, 6 — от 2,5 до 5, 7 — от 0,3 до 2,5, 8 — от 0 до 0,3 % или нет данных. Абсолютный прирост ВВП за период 1998–2015 гг., трлн руб.: 9 — менее 20, 10 — от 20,1 до 75,0, 11 — от 75,1 до 180,0, 12 — от 180,1 до 400,0, 13 — >400,1.

риях с высокими транспортными, энергетическими и иными издержками, особенно на большей части малонаселенного Дальнего Востока, за пределами городов на Севере [22]. Это приводит к формированию множества локальных рынков. Также подход не учитывает «всплески» предпринимательской активности в ряде населенных пунктов Хабаровского и Забайкальского краев, Амурской области и т. д. на границе вблизи с крупными центрами Китая.

Вблизи крупных зарубежных рынков (Калининградская, Псковская области, Санкт-Петербург, Карелия, Приморский, Хабаровский, Краснодарский край) плотность выше средней и увеличивалась благодаря растущим возможностям для импорта и экспорта продукции. Существенная доля субъектов МСП в России относится к торговле (42,7 %), широко распространена продажа импортных товаров. Например, до 2009 г. в Приморском крае процветали автомобильные рынки, где малый бизнес осуществлял продажу подержанных автомобилей из Японии. Также в Приморском и Хабаровском краях широко распространены вещевые рынки, для которых импортируется китайская продукция. Плотность малого бизнеса также выше в регионах с благоприятными институциональными условиями и доступом к капиталу (Москва, Санкт-Петербург, Ярославская, Новосибирская, Воронежская области, Пермский край), а ниже — в регионах с высокими рисками для инвесторов (Дагестан, Чечня, Калмыкия), где бизнес преимущественно сосредоточен «в тени» [2]. В текущих кризисных условиях наиболее пострадает малый бизнес в сфере туризма, гостиниц, ресторанов, развлечений и торговли, развитый в крупных агломерациях и в ряде прибрежных регионов.

Коэффициент корреляции между «плотностью предпринимательской деятельности» и «рыночным потенциалом» для всего массива данных (1998–2018 гг.) составляет 0,53, т. е. довольно высокий для российских региональных данных. Во многих регионах с большим объемом доступных рынков плот-

Рис. 2. Уровень и динамика рыночного потенциала в регионах России.

Рыночный потенциал в 2018 г., трлн руб.: 1 – <25, 2 – от 25 до 35, 3 – от 35 до 45, 4 – >45. Отношение рыночного потенциала в 2018 г. к значению 1998 г.: 5 – <12, 6 – от 12 до 15, 7 – >15. 8 – ранг региона по рыночному потенциалу вырос за 1998–2018 гг.

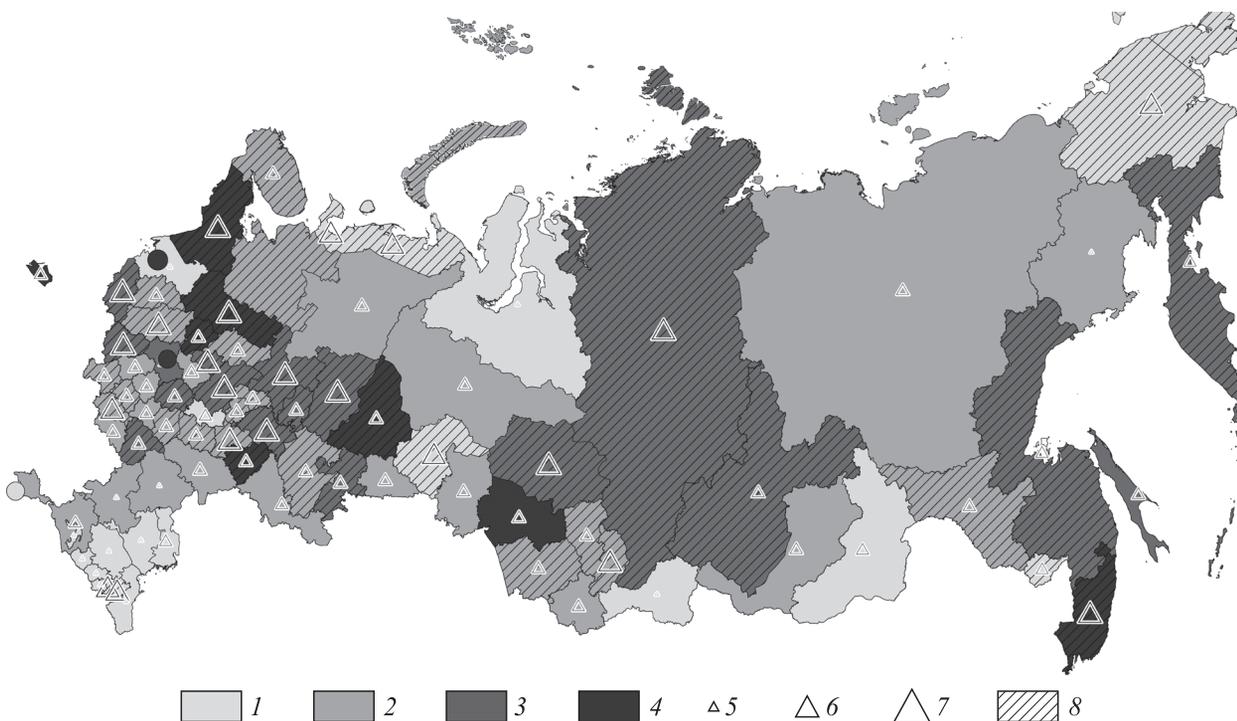

Рис. 3. Уровень и динамика плотности предпринимательской деятельности в регионах России в 1998–2018 гг.

Число малых и микропредприятий на 1000 чел. рабочей силы в 2018 г.: 1 – <25, 2 – от 25 до 35, 3 – от 35 до 45, 4 – >45 чел. Отношение плотности предпринимательской деятельности в 2018 г. к значению 1998 г.: 5 – <12, 6 – от 12 до 15, 7 – >15. 8 – ранг региона по плотности предпринимательской деятельности вырос за 1998–2018 гг.

ность малых и микрофирм выше средней и повышалась вместе с ростом рынков: Калининградская область, Санкт-Петербург, Карелия, Приморский, Хабаровский край и т. д. (см. рис. 2, 3). Но это не может служить достаточным доказательством выдвинутой нами гипотезы. Включение в модель (формула (3)) других существенных факторов (контрольных переменных: индекса обеспеченности банковскими услугами, ВРП на душу населения, безработицы, плотности населения) может привести к тому, что коэффициент β_1 окажется отрицательным или будет статистически незначим. Однако наши эконометрические расчеты (см. таблицу, модель 1) подтвердили, что рыночный потенциал оказывает значимое положительное влияние на развитие предпринимательства, с учетом других факторов. В условиях кризиса при сокращении объема доступных российских или зарубежных рынков для малого бизнеса региона на 1 трлн руб. число микро- и малых фирм снизится приблизительно на 0,5 (в расчете на 1000 чел. рабочей силы). Из четырех контрольных переменных, включенных в модель 1, положительно значимыми оказались все, кроме безработицы.

Близость международных рынков особенно важна для малых фирм приграничных и приморских регионов, но и в целом для России это влияние оказалось значимо. Так, сокращение числа микро- и малых предприятий на 1 фирму (на 1000 чел. рабочей силы) при прочих равных условиях возможно при снижении доступа к зарубежным рынкам на 1 трлн руб. (см. таблицу, модель 2). Например, полное закрытие китайского рынка в связи с карантинными мероприятиями может означать при прочих равных банкротство большинства этих фирм в Приморском крае. Более вероятным сценарием выглядит сокращение рынка Китая в 2020 г. на 3–5 %, что соответственно приведет к закрытию 1–2 тыс. компаний в регионе (2,5–5 % от общего числа). Предполагаемое сокращение на 3 % мировой экономики без учета иных факторов может привести к сокращению общего числа фирм в России в 2020 г. на 2–3 %, при этом 3,5 % малых и микропредприятий потеряно годом ранее от действия всех негативных факторов.

Контрольные переменные в модели 2 значимы так же, как и в модели 1. В то же время близость только рынков других регионов России оказалась незначимым фактором для развития предпринима-

**Результаты эконометрической оценки моделей с фиксированными эффектами
с использованием робастных стандартных ошибок**

Зависимая переменная: отношение числа малых и микропредприятий к численности рабочей силы				
Переменные	модель 1	модель 2	модель 3	модель 4
	2002–2017	2002–2015		2002–2017
Рыночный потенциал (трлн руб.)	0,467*** (0,049)			
Потенциал международного ЭГП (млрд руб.)		0,001*** (0,000)		
Потенциал межрегионального ЭГП (млрд руб.)			0,007 (0,011)	
Индекс обеспеченности банковскими услугами	6,122*** (2,027)	8,240*** (1,966)	9,636*** (2,106)	11,352*** (2,397)
ВРП на душу населения, тыс. руб.	0,643*** (0,098)	0,798*** (0,126)	0,864*** (0,146)	0,917*** (0,150)
Безработица, %	0,057 (0,136)	–0,225 (0,147)	–0,301* (0,158)	–0,366** (0,183)
Плотность населения, чел/км ²	0,035*** (0,005)	0,018** (0,009)	0,027* (0,015)	0,0578*** (0,00377)
Константа	–16,2*** (3,31)	–13,6*** (4,26)	–15,6*** (5,02)	–19,9*** (5,19)
Число наблюдений	1252	1094	1094	1252
LSDV R ²	0,791	0,747	0,723	0,710
Within R ²	0,627	0,532	0,488	0,482
Критерий Шварца	8219,8	7199,2	7298,6	8621,6

Примечание. Уровень значимости коэффициентов (*p*-value): *** – 1 %, ** – 5 %, * – 10 %; в противном случае мы не можем сказать, влияет ли фактор на зависимую переменную. Выбор лучшей модели обоснован наибольшим значением R². Within R² показывает, насколько хорошо модель описывает зависимость на примере конкретного региона. Пустые ячейки – соответствующая переменная не была включена в регрессию.

тельства в целом (см. таблицу, модель 3). В результатах расчета моделей только для регионов Азиатской части страны этот фактор положительно значим, а его влияние выше, чем близость рынков других стран, из-за удаленности последних от регионов Урала и Сибири. Удаленность регионов-соседей здесь может означать недоступность региона сухопутным транспортом и изолированность его малых предприятий от любых рынков, например в Магаданской области, на Чукотке, на Камчатке. Как мы и предполагали вначале, развитие малого бизнеса хуже объясняется без учета экономико-географических факторов: у модели 4 качество ниже, так как ниже R^2 и выше критерий Шварца. При этом в моделях 3 и 4 оказались значимы все четыре контрольные переменные, включая безработицу, которая значима отрицательно. Этот результат можно интерпретировать следующим образом: рост уровня безработицы в кризисный период на 1 % приведет к сокращению доходов и спроса на услуги и товары МСП и, соответственно, к закрытию 0,3–0,36 малых фирм (на 1000 чел. рабочей силы). Для России в целом это может означать при сохранении других параметров потерю около 1 % всех фирм (20 тыс. компаний). При этом повышение безработицы может и увеличивать плотность малого бизнеса. Такой результата получен для расчетов только по регионам европейской части страны, где высок рыночный потенциал. В этом случае уволенные сотрудники становятся вынужденными предпринимателями, так как могут открыть бизнес благодаря наличию спроса, в том числе в соседних регионах (Москве, Санкт-Петербурге и т. д.).

Доступ к финансированию в регионе — также один из наиболее значимых факторов развития предпринимательства. Увеличение индекса обеспеченности банковскими услугами на 0,1 приводит к росту числа малых и микрофирм приблизительно на 0,6–1,1 (на 1000 чел. рабочей силы). Но это требует существенного расширения сети финансовых институтов и объемов кредитования, число же региональных банков сокращалось, а в кризисных условиях банки менее охотно кредитуют малые предприятия. Скорее всего, в 2020 г. индекс заметно снизился по мере закрытия населением вкладов и сокращения экономической динамики; например, в кризисный 2015 г. он уменьшился на 0,02. В регионах с высоким уровнем экономического развития выше плотность малого бизнеса, что связано с большим числом и разнообразием рыночных ниш (в отличие от крупных предприятий, малые не используют эффект масштаба, а ориентированы на разнообразие спроса, обеспечиваемое крупными рынками), с более высокими доходами населения [17, 21]. В регионах, где выше плотность населения (в европейской части России, в регионах с крупными агломерациями), малый бизнес развит лучше, что также говорит о значимости базовых географических условий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предложенный метод для оценки рыночного потенциала расширяет число подходов к формализации категории экономико-географического положения [1]. Результаты дополняют исследования в рамках Новой экономической географии [5, 6, 11, 15], рассматривающие влияние рыночного потенциала на характеристики регионального развития. А выявленные закономерности и факторы значимы для быстроразвивающегося научного направления — географии предпринимательства [2, 3, 17–22].

Рыночный потенциал, учитывающий одновременно удаленность регионов от зарубежных экономических центров и внутренних крупных рынков, — значимый фактор развития предпринимательства в регионах России даже с учетом институциональных и иных особенностей регионов. Поэтому ухудшение доступа к рынкам, вызванное сокращением доходов населения в большинстве регионов, сохранением инфраструктурных и институциональных барьеров на границе, а также введением карантинных мероприятий, ограничивает и угнетает развитие МСП. Это одна из ключевых угроз для социально-экономического развития большого числа регионов.

Если мировой рынок и ВРП на душу населения в России в среднем сократятся на 3 %, а индекс банковской доступности — на 0,1 %, то, согласно модели 1 (см. таблицу), потенциально могут закрыться более 200–260 тыс. малых и микрофирм, что составляет около 9–10 % их общего числа. Согласно расчетам в статье [23], снижение числа этих фирм на 1 % может вести к сокращению ВРП от 0,06 до 0,17 %. Тогда по описанному сценарию в 2020 г. можно ожидать падения ВВП на 0,5–1,7 % за год только за счет банкротства малых и микропредприятий.

Поэтому для стимулирования развития малого бизнеса в кризисный период целесообразно проведение политики по поддержке спроса на продукцию и снижение издержек МСП, в том числе субсидии населению, предоставление «зарплатных» банковских кредитов, субсидий на зарплату сотрудников и т. д. В условиях пандемии актуальным становится цифровизация всех государственных услуг, онлайн-доступ к выплате налогов, получению субсидий, доступу к госзакупкам и т. д. Бизнесы, которые провели цифровую трансформацию, с большей вероятностью выживут, причем выше условия

для адаптации в крупных агломерациях, где есть соответствующая интернет-инфраструктура, население и бизнес используют онлайн-заказы. В посткризисный период потребуется снижение издержек внешнеторговой деятельности фирм, включая меры по развитию транспортной инфраструктуры (строительство дорог, портов, логистических комплексов, пунктов пропуска), реализацию организационно-институциональных мер по снижению барьеров таможенного администрирования, цифровизацию услуг. Добавим, что в рейтинге Doing Business, оценивающем формальные условия ведения бизнеса, наименьший ранг России был в блоке, посвященном таможенному регулированию.

Работа выполнена в рамках госзадания РАНХиГС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бабурин В.Л., Земцов С.П.** Оценка потенциала экономико-географического положения регионов России // Экономика региона. — 2016. — № 1. — С. 117–138.
2. **Барина В.А., Земцов С.П., Царева Ю.В.** Предпринимательство и институты: есть ли связь на региональном уровне в России? // Вопросы экономики. — 2018. — № 6. — С. 92–116.
3. **Земцов С.П., Царева Ю.В.** Предпринимательская активность в регионах России: насколько пространственные и временные эффекты детерминируют развитие малого бизнеса // Журн. новой экономической ассоциации. — 2018. — Т. 37, № 1. — С. 145–165.
4. **Филатов А., Самойлов И.** Пространственный фактор развития экономики России // Модернизация экономики и общества: Доклады XV Апрельской международной научной конференции [Электронный ресурс]. — <http://regconf.hse.ru/uploads> (дата обращения 08.10.2017).
5. **Head K., Mayer T.** Market potential and the location of Japanese investment in the European Union // Review of Economics and Statistics. — 2002. — N 86 (4). — P. 959–972.
6. **Redding S., Venables A.J.** Economic geography and international inequality // Journ. of International Economics. — 2004. — N 62 (1). — P. 53–82.
7. **Brown D., Fay M., Lall S.V., Wang H.G., Felkner J.** Death of distance? Economic implications of infrastructure improvement in Russia // Eib Papers. — 2008. — N 13 (2). — P. 126–148.
8. **Combes P.P., Mayer T., Thisse J.F.** Economic Geography: The Integration of Regions and Nations. — Princeton: Princeton University Press, 2008. — 416 p.
9. **Malecki E.J., Gorman S.P.** Maybe the death of distance, but not the end of geography: the Internet as a network // The Wired Worlds of Electronic Commerce. — Chichester: John Wiley, 2001. — P. 87–108.
10. **Anderson J.E.** The gravity model // Annu. Rev. Econ. — 2011. — N 3 (1). — P. 133–160.
11. **Hanson G.H.** Market potential, increasing returns and geographic concentration // Journ. of International Economics. — 2005. — N 67 (1). — P. 1–24.
12. **Harris C.D.** The market as a factor in the localization of industry in the United States // Annals of the Association of American Geographers. — 1954. — N 44 (4). — P. 315–348.
13. **Anderson J.E., van Wincoop E.** Gravity with gravitas: a solution to the border puzzle // American Economic Review. — 2003. — N 93 (1). — P. 170–192.
14. **Регионы России.** Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. — М.: Росстат, 2017. — 1402 с.
15. **Krugman P.** Scale economies, product differentiation, and the pattern of trade // The American Economic Review. — 1980. — N 70 (5). — P. 950–959.
16. **Aparicio S., Urbano D., Audretsch D.** Institutional factors, opportunity entrepreneurship and economic growth: Panel data evidence // Technological Forecasting and Social Change. — 2016. — N 102. — P. 45–61.
17. **Fritsch M., Storey D.** Entrepreneurship in a regional context: Historical roots, recent developments and future challenges // Regional Studies. — 2014. — N 48 (6). — P. 939–954.
18. **Armington C., Acs Z.J.** The determinants of regional variation in new firm formation // Regional Studies. — 2002. — N 36 (1). — P. 33–45.
19. **Storey D.J.** The birth of new firms — does unemployment matter? A review of the evidence // Small Business Economics. — 1991. — N 3 (3). — P. 167–178.
20. **Fritsch M., Wyrwich M.** The effect of regional entrepreneurship culture on economic development: Evidence for Germany // Jena Economic Research Papers. — 2014. — N 014. — P. 1–33.
21. **Stuetzer M., Obschonka M., Brixy U., Sternberg R., Cantner U.** Regional characteristics, opportunity perception and entrepreneurial activities // Small Business Economics. — 2014. — N 42 (2). — P. 221–244.
22. **Земцов С.П., Бабурин В.Л.** Предпринимательские экосистемы в регионах России // Региональные исследования. — 2019. — № 2. — С. 4–14.
23. **Земцов С.П., Смелов Ю.А.** Факторы регионального развития в России: география, человеческий капитал или политика регионов // Журн. новой экономической ассоциации. — 2018. — № 4 (40). — С. 84–108.

Поступила в редакцию 05.11.2020

После доработки 29.10.2020

Принята к публикации 25.03.2021